

**Собрание сочинений графа Е.
А. Салиаса**

Том 19. Мелкие рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С54

С54 Собрание сочинений графа Е. А. Салиаса: Том 19. Мелкие рассказы / – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 446 с.

ISBN 978-5-458-52668-5

ISBN 978-5-458-52668-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ф И Н Т Ъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

I.

Вимой 1800 года Москва веселилась до упаду, будто на смѣхъ боязливо приунывшему Петербургу. Князь Иванъ Михайловичъ Десницкій, живя, какъ говорится, открыто, болѣе всѣхъ веселилъ общество. Исконный Москвичъ, уроженецъ и старожилъ Бѣлокаменной, онъ былъ извѣстенъ всему городу и уважаемъ всѣми больше, чѣмъ главные начальственные лица, которыхъ много смѣнилось за его время, при Елисаветѣ, Екатеринѣ и Павлѣ. Собственный большой домъ на одной изъ главныхъ улицъ и огромное состояніе позволяли князю жить широко, давать балы и обѣды на весь городъ. За послѣднее же время всякое веселье въ домѣ участилось по особой причинѣ.

Дочь князя, восемнадцатилѣтняя дѣвушка, начала выѣзжать въ свѣтъ, сынъ, только-что вышедшій изъ-подъ надзора наставниковъ и гувернеровъ, записался на службу сверхъ штата и усердно веселился на всѣ лады.

Сначала княгиня Анна Дмитриевна, очень гордая женщина, тщательно сортировала своихъ знакомыхъ и у нея бывало,

какъ говорится, только избранное общество—родовитое дворянство и сановники, но затѣмъ отъ стараго обычая пришлось отказаться. Времена наступили иныя...

Въ домѣ Десницкихъ стало собираться изъ-за баловъ для дочери многочисленное общество, въ которомъ попадались и „сѣренькія семейки“, и „пролазные кавалеры“, по выраженію Анны Дмитріевны.

Княгиню не очень любили за ея надменное обращеніе. За то князя всѣ любили и считали за нимъ одинъ грѣшокъ — скупость.

Однако князь устраивалъ Москвичамъ довольно часто празднества съ сюрпризами, съ заморскими фокусниками; нѣсколько разъ были въ его домѣ и „театральныя представленія“ наемныхъ лицедѣевъ. Князь былъ хитеръ на всякую выдумку, чтобы повеселиться и повеселить, былъ мастеромъ на всякій „финтъ“ или замысловатую штуку. Теперь, когда наступилъ декабрь и приближались праздники, онъ уже подумывалъ о большущемъ балѣ и пирѣ на всю Москву.

Скупость или скарденность, въ которой обвиняли князя Москвичи, была скорѣе простою расчетливостью. Князь „протливалъ ножки короче одежды“, а богачамъ этого не прощаютъ. Про князя ходилъ анекдотъ, что онъ однажды, потерявъ бумажникъ съ десятью тысячами, захворалъ и болѣлъ двѣ недѣли.

Однажды, предъ самымъ Рождествомъ, князь получилъ письмо, занесенное неизвѣстнымъ человѣкомъ и оставленное у швейцара. Оно было слѣдующаго содержанія:

„Достоуважаемый князь! Дозвольте четыремъ парамъ, ряженымъ, по обычаю святочныхъ дней, побывать къ вамъ на сихъ дняхъ. Изъ четырехъ дамъ и четырехъ кавалеровъ вамъ лично незнакомы только два лица, но и тѣхъ вы встрѣчаете въ обществѣ. Для того, чтобы было веселѣе, мы бы желали пріѣхать и уѣхать, не объявляя ни одного имени. На другой день послѣ нашего посѣщенія одинъ изъ насъ явится къ вамъ назвать по именамъ всѣхъ бывшихъ. Если вы изъявите согласіе, то напишите тотчасъ два слова и адресуйте въ почтамтъ до востребованія на измышленное мною имя г. Рождественскаго“.

Князь Иванъ Михайловичъ, прочитавъ записку, улыбнулся. Онъ не только радъ былъ веселить дочь, но и самъ любилъ веселиться. А съ ряжеными всегда смѣхъ.

Однако предложеніе несуществующаго господина Рожде-

-ственскаго принять собственно было мудрено. Изъ всей замаскированной компаніи по обычаю надо бы было знать хоть кого-нибудь по фамиліи или хоть кого-либо попросить на секунду снять маску; одинъ бы отвѣчалъ за всѣхъ. А такъ, Богъ вѣсть, кто влѣзетъ въ домъ.

Князь отправился на половину княгини и передалъ ей записку. Анна Дмитриевна прочла.

— Что же, я очень рада!.. Но какъ же такъ?.. Ни одного имени...

— Вотъ и я, матушка, того же мнѣнія!.. Дѣло простое, неопасное, но не принято обычаемъ...

— Эдакъ ряженныхъ Нѣмцевъ-магазинщиковъ въ домъ пустишь, замѣтила княгиня.

Потолковавъ вмѣстѣ, супруги рѣшили, что надо оставить затѣю и разрѣшенія не давать.

— Въ обычаѣ сего нѣтъ! рѣшили супруги.

Прошелъ день. Князь ничего не отвѣтилъ до востребованія; но по утру, ровно черезъ сутки, получилъ записку съ лакеемъ отъ своего друга, генерала Щуровскаго.

Генералъ былъ не менѣе князя извѣстный на всю Москву герой Кагула, свой человекъ во всѣхъ первыхъ домахъ столицы, непремѣнный членъ всѣхъ торжественныхъ и парадныхъ обѣдовъ. Генералъ писалъ князю:

„Любезный другъ! Узналъ случайно, собираются къ тебѣ ряженные. Въ числѣ прочихъ находится наша полоумная вертушка, соломенная вдова баронесса и шалопай Чвартовскій. Этому, какъ ты его прозвалъ Duc de Prolase, хочеть выкинуть у тебя какое-то колѣно. Пишу тебѣ объ этомъ, потому что боюсь, что эта дрянь вздумала тебѣ отомстить, а за что— ты самъ знаешь“.

Князь зналъ за собой по отношенію къ Поляку только одну вину. Появившійся въ московскомъ обществѣ Чвартовскій ему не нравился. Онъ считалъ его изъ породы авантюристовъ, самаго опаснаго вида для семей, такъ какъ хитрый пролазь искалъ себѣ невѣсту съ приданымъ, и былъ очень красивъ и хватъ.

Чвартовскій былъ одновременно и удивительно подлъ, низкопоклоненъ, и удивительно дерзокъ, и самоувѣренъ, смотря по обстоятельствамъ. Едва только княжна появилась въ свѣтѣ, какъ Полякъ, великолѣпно танцовавшій всѣ танцы и поэтому иногда распоряжавшійся на балахъ въ Благород-

номъ Собраніи, сталъ усиленно ухаживать за княжной Десницкой.

Каждый разъ, что князь видѣлъ, какъ Чвартовскій разсыпается мелкимъ бѣсомъ предъ его Надей, или что-то напештываетъ ей во время танцевъ — его коробило. Кончилось тѣмъ, что князь заявилъ дочери одно свое желаніе, избѣгать танцевать съ Чвартовскимъ и какъ можно холодне и сдержаннѣ держать себя съ нимъ.

Княжна съ удовольствіемъ исполнила желаніе отца, такъ какъ Полякъ ей тоже не особенно нравился.

Теперь, получивъ записку съ предупреденіемъ отъ друга-генерала, князь сообразилъ нѣчто и удивился.

„Неужели этотъ дрянной, невѣдомо откуда выскочившій, Полячекъ посмѣетъ ему отомстить чѣмъ-нибудь за сдержанность съ нимъ его дочери“?

Князь былъ гордъ на свой ладь... по-московски. Онъ былъ гордъ своимъ положеніемъ, своимъ великогѣпнымъ домомъ, своей родней и связями; гордъ тѣмъ, что никогда не служилъ, а „просто жилъ“, какъ живали вельможи въ Москвѣ при Екатеринѣ; гордъ тѣмъ, что всѣ про него говорили: „Князь Иванъ Михайловичъ“, не прибавляя фамиліи; гордъ тѣмъ, что Москвичи единодушно считали его самымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ, самымъ радушнымъ хозяиномъ-хлѣбосоломъ и, наконецъ, „шпынемъ“, острякомъ на словахъ и на дѣлѣ.

Неужели же вдругъ какая-нибудь дрянь, вчера появившаяся въ Москвѣ, какъ появляется мошкара послѣ дождливаго вечера, чтобы прожить на свѣтѣ только до зари, неужели этотъ безродный „пстиметръ“ посмѣетъ мечтать о мести по отношенію къ „князю Ивану Михайловичу“.

Князь разобидѣлся, разсердился, сѣлъ къ письменному столу и написалъ записку:

„Сударь. Я весьма радъ предложенью и милости прошу, когда угодно. Полную неизвѣстность разрѣшаю сохранить цѣлыя сутки послѣ посѣщенія. Князь Иванъ Десницкій“.

Затѣмъ князь написалъ другу, прося его во что бы то ни стало подробно узнать дѣйствительно ли затѣваетъ Полякъ какое мщеніе и въ чемъ оно заключается. Отправивъ письма въ почтамтъ и къ Щуровскому, князь прошелъ на половину княгини, но не сказавъ женѣ ничего о письмѣ друга-генерала, объявилъ, что разрѣшилъ ряженнымъ быть у него.

— Успокойся, душа моя! Что за важность! сказалъ князь. — Не полѣзутъ же къ намъ какіе-нибудь нахалы.

Затѣмъ князь передалъ то же самое дочери и сыну, а черезъ нѣсколько минутъ выѣхалъ и отправился въ одинъ изъ переулковъ около Сухаревой башни, гдѣ жилъ нѣкто Дьяковъ, скромнѣйшій и остроумнѣйшій человекъ, котораго князь очень любилъ и уважалъ уже лѣтъ съ пятнадцать.

Этотъ знакомецъ князя былъ удалившійся на покой антрепренеръ и актеръ, не въ примѣръ прочимъ нажившій маленькій капиталецъ и жившій теперь тихо и мирно въ Москвѣ. Нерѣдко крупное дарованіе, любовь къ сценѣ, жажда выйти на подмостки тянула шестидесятилѣтняго, но бодрого и живого человека, снова взяться за старое, но онъ далъ себѣ слово никогда болѣе не играть, а только устраивать и руководить „благородными“ представленіями, такъ звались любительскіе.

Къ обѣду князь былъ уже дома и объяснилъ домашнимъ, что былъ у своего хорошаго пріятеля, Дьякова. Заявленіе никого не удивило, такъ какъ князь по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ навѣщалъ артиста въ отставкѣ.

— На этотъ разъ, Наденька, сказалъ князь, — я былъ у Дьякова съ просьбой. Хочу, чтобъ онъ взялъ на себя устроить у насъ опять благородный спектакль, который мы сами разыграемъ.

Играть на сценѣ было давнишнею мечтой и молодого князя, и княжны, и поэтому они просіяли при словахъ отца.

II.

Прошло два дня. Однажды вечеромъ около девяти часовъ во дворъ, гдѣ стояли истинно боярскія палаты князя Десницкаго, въѣхало нѣсколько парныхъ саней. Во всѣхъ саняхъ были маски: мужчины и женщины.

Одна маска въ мужскомъ домино, когда швейцаръ отворилъ парадную дверь, вошла и заявила:

— Должите княгинѣ и князю, что къ нимъ пріѣхали ряженые и просятъ ихъ принять.

На зовъ швейцара одинъ изъ лакеевъ появился на верху лѣстницы и затѣмъ пошелъ докладывать.

Между тѣмъ сани одни за другими подѣзжали къ подѣзду и веселая гурьба, среди которой болѣе всего раздавался звонкій смѣхъ маленькой замаскированной женщины, наполнила швейцарскую.

— Душа моя, выговорила одна из масокъ, — если ты будешь такъ смѣяться, то тебя сейчасъ узнаютъ. Твой смѣхъ на всю Россійскую Имперію извѣстенъ.

— Ну, во всей имперіи—это слишкомъ. А на всю Москву: Конечно! выговорило мужское домино, выше всѣхъ ростомъ, съ какимъ-то металлическимъ звукомъ въ голосѣ.

Это былъ именно Чвартовскій, про котораго писалъ князю его другъ. Хохотала болѣе всѣхъ молоденькая женщина, лишь два года назадъ вышедшая замужъ и уже развѣхавшаяся съ мужемъ, которую генераль назвалъ „соломенною вдовой“.

Вертушка полу-вдова была въ парѣ съ Полякомъ. Остальныя три пары—была молодежь, принадлежавшая къ такъ называемому благородному обществу.

Наконецъ явился лакей и объявилъ съ парадной лѣстницы:

— Просятъ пожаловать.

И замаскированная въ простыя черныя домино веселая гурьба двинулась изъ швейцарской. Въ то же время къ подъѣзду подъѣхала карета, за ней другая, затѣмъ сани, и сразу какъ бы начался сѣздъ. Появилась масса гостей.

Нѣкоторыя изъ масокъ, запоздавъ въ швейцарской, перешептывались съ вновь прибывшими безъ масокъ. О нѣкоторыхъ изъ прибывшихъ пошли докладывать. Другіе, вмѣстѣ съ запоздавшими масками, стали подниматься безъ доклада.

Очевидно, что ряженые заранѣе заявили многимъ своимъ знакомымъ, въ какой день и часъ будутъ у Десницкихъ, и одновременно съ ними пріѣхало много гостей повеселиться.

Маски, принятыя хозяиномъ на порогѣ первой гостиной, прошли во вторую, гдѣ ихъ встрѣтила княгиня, а вмѣстѣ съ нею княжна и молодой князь.

Всѣ замаскированные старались быть сдержанными, едва говорили и кратко отвѣчали, стараясь переименовать свой голоса. Затѣя оказалась съ перваго мгновенья вовсе не веселая. Единственная маска, начавшая болтать и острить,—было мужское домино, которое однако по его металлическому голосу тотчасъ же узнала княжна, а равно узналъ и самъ князь.

„Онъ-то затѣйникъ и есть!“ подумалъ князь.

Не прошло минуты, какъ гостиная наполнилась и стала все болѣе наполняться пріѣзжающими гостями. Всѣ явившіеся признались, что они знали заранѣе о томъ, что у князя будутъ маски. Чрезъ полчаса времени гостиныя были полнехоньки.

Шумъ и смѣхъ въ двухъ гостиныхъ раздавался на весь большой домъ. Между тѣмъ залу, помѣщавшуюся сбоку дома, уже оствѣтили, уже шель кое-гдѣ шепотъ, что собралось такъ много, что можно импровизировать танцевальный вечеръ.

Маски начали понемногу болтать оживленнѣе. Двѣ-три маски были даже интересны, уже кое-кого заинтриговали. Кое-кому было кое-что сказано на ухо такое, что „ужасъ“. Иногда маски поднимались, брали подъ руку кого либо изъ близкихъ знакомыхъ Десницкихъ, и уводили въ другую комнату, спальню княгини. И здѣсь маски тоже интриговали увиденныхъ ими, и тоже говорили на ухо „ужасныя“ вещи. Послѣ каждой ужасной вещи гости и маски возвращались въ гостиную, и смѣхъ начинался еще пуще. О танцахъ не думали, такъ какъ пока и безъ того было весело.

Въ самый разгаръ смѣха и гула голосовъ, высокое домино, то есть узанный княземъ Чвартовскій, вышелъ на средину гостиной, поднялъ руки, на которыхъ висѣла огромная пелерина, обшитая кружевомъ, и выговорилъ:

— Прошу общаго вниманія! Позвольте сказать два слова!

Сразу все стихло. Всѣ устремили глаза на маску.

— Во-первыхъ, объявило домино, — я прошу всѣхъ пожаловать сюда изъ той гостиной. Я долженъ сказать очень короткую рѣчь...

Снова поднялся шумъ, хохотъ. Нѣкоторые бросились въ сосѣднюю гостиную, чтобы звать остальныхъ. И черезъ нѣсколько мгновений первая гостиная переполнилась настолько, что одна треть сидѣла, остальные всѣ были на ногахъ, окружая домино, собравшееся говорить.

Князь былъ невдалекѣ отъ домино. Лицо его было настолько весело, какъ еслибъ у него въ домѣ совершалось что-нибудь особенное, а не простая затѣя.

Дочь, нечаянно взглянувшая на отца, удивилась. Никогда не видѣла она отца настолько сияющимъ отъ удовольствія. Видно и его развеселили маски.

— Вниманіе! заговорило снова домино, снова поднимая руки вверхъ, какъ дѣлаютъ жрецы въ какой-то оперѣ, приглашающіе Олимпійскихъ боговъ сойти на землю. — Я долженъ сказать крошечную рѣчь, обращаясь главнымъ образомъ къ княгинѣ и къ князю. — Рѣчь моя или разсмѣшитъ, или опечалитъ все общество, а главнымъ образомъ хозяина и хозяйку. Происходитъ маленькое недоразумѣніе. Одно очень

странное обстоятельство надо бы выяснить. Но какъ?—Я не знаю... Надо будетъ намъ всѣмъ сообща, и ряженымъ, и вамъ всѣмъ, рѣшить вопросъ. Вотъ въ чемъ дѣло, князь, обратилось домино къ хозяину.—Насъ пріѣхало по заранѣе заключенному условію четыре пары, восемь человѣкъ: четыре дамы и четыре кавалера. Мы всѣ знаемъ другъ друга и почти всѣ, князь, бываемъ у васъ на вечерахъ. Только два лица еще не бывали здѣсь у васъ, но явятся завтра же представиться. Итакъ, повторяю, насъ должно было пріѣхать и дѣйствительно пріѣхало—восемь домино. Теперь, господа, я попрошу васъ оглянуться и сосчитать...

— Вотъ онъ—его финтъ! подумалъ князь.

Наступило молчаніе и всѣ устремили глаза на переодѣтыхъ, которые въ своихъ черныхъ домино пятнами стояли и сидѣли среди всего общества. Сразу всѣ, какъ по уговору, ахнули, сразу поднялся было смѣхъ, но тотчасъ же прекратился и снова наступило молчаніе.

Въ гостиной было девять домино, а не восемь.

Ш.

Княжна, самое боязливое созданіе на свѣтѣ, сразу струхнула, и, какъ дѣлала всегда, стала искать спасенія у отца. На этотъ разъ она ограничилась только тѣмъ, что впиалась глазами въ лицо князя.

Князь стоялъ нѣсколько насупившись, но Надѣ показалось выраженіе угрюмости на лицѣ отца не вполне естественнымъ. Онъ какъ будто считалъ приличнымъ насупиться, а въ дѣйствительности ему было совершенно все равно, восемь ли человѣкъ или двадцать окажется въ маскахъ.

— Въ чемъ же дѣло? выговорилъ, наконецъ, князь, обращаясь къ домино—Чвартовскому.

— Въ томъ дѣло, князь, что мы восемь человѣкъ отвѣчаемъ всѣ за себя. Такъ какъ я подалъ мысль явиться къ вамъ и устроилъ этотъ маскарадъ, то я и наиболѣе смущенъ... Насъ переодѣлось восемь, здѣсь я вижу девятого. Кто этотъ девятый—я не знаю. И который девятый—я тоже, замѣтите, не знаю. Поэтому, мнѣ кажется, надо это дѣло объяснить. Единственное средство заключается въ томъ, по моему мнѣнію, что вы, князь, должны всѣхъ насъ по очереди принять, хотя

бы у васъ въ кабинетѣ, и заставить каждаго по очереди снять маску. Такимъ образомъ окажется кто девятый, кто онъ такой и можно ли ему оставаться въ вашемъ домѣ.

Наступило минутное молчаніе. Гости кто со смѣхомъ, а кто отчасти тревожно стали оглядывать всѣхъ замаскированныхъ. Нѣкоторые домино смѣло и громко смѣялись и кое-кто ихъ узналъ по смѣху. За то два мужскія домино стали вдругъ сдержанны и тихи. Очевидно, девятый былъ одинъ изъ нихъ, но который девятый—никто, конечно, не зналъ. Между тѣмъ всякое домино косилось вообще на своего соседа домино и думало:

„Можетъ быть это и есть девятый!“

— Что же, заявилъ, наконецъ, князь,—я, конечно, согласенъ. Пожалуйте ко мнѣ.

Онъ двинулся. Всѣ замаскированные двинулись за нимъ, а вслѣдъ за масками человекъ двадцать гостей. Вся гурьба весело вышла въ прихожую около лѣстницы, повернула въ корридоръ и затѣмъ вступила въ большую горницу, въ которой стояли лишь шкафы съ книгами. Это была библіотека князя, за которой былъ его кабинетъ.

Князь отворилъ дверь въ кабинетъ и заявилъ:

— Ну-съ, пожалуйста, господа ряженые, по очереди. Даю вамъ слово, что сегодня вечеромъ никому никого изъ васъ не назову.

Первое домино—веселая полувдовушка двинулась впередъ, чтобъ итти на смотръ къ князю.

— Ну, вы, моя прелестная, отозвался князь,—можете оставаться... Я и безъ того давно знаю, кто вы.

— Да, да! вы узнаны! отозвалось нѣсколько голосовъ гостей.—Мы всѣ знаемъ, кто вы, хоть снимайте маску.

— Позвольте, князь! громко, отрывисто выкрикнуло высокое домино, то-есть Чвартовскій.—Происходить что-то невѣроятное, глупое... даже неприятое. Гдѣ же девятый?

И Полякъ сталъ оглядываться. Всѣ гости тоже. Дѣйствительно, замаскированныхъ было снова только восемь.

Поднялся шумъ, крики, хохоть, общій гвалтъ. Нашлись дамы, которыхъ уже морозъ пробралъ.

— Восемь! Восемь! повторяли всѣ.

— Да восемь! выговорилъ князь.

— Восемь! отчаянно вопило высокое домино.

— Что же это? Колдовство? замѣтилъ кто-то.

— Это очень неприятно, взволнованно продолжало высокое домино.—Я отвѣчаю за восьмерыхъ... Я писалъ князю... Тутъ какая-то мистификація! Наконецъ я лучше...

Домино двинула рукой и сняло маску. Предъ всѣми дѣйствительно предсталъ Чвартовскій.

— Я предлагаю, господа, выговорилъ онъ,—бросить затѣю и всѣмъ снять тотчасъ же свои маски. Очевидно, что мы явились сюда интриговать, а насъ самихъ интригуетъ девятый, исчезнувшій, какъ привидѣніе.

— Если князь потребуеть, мы всѣ снимемъ свои маски, сказала одно домино,—но, признаюсь, я бы этого не желалъ. Остаться одному въ маскѣ мнѣ тоже не хочется...

— Прошу оставаться въ маскахъ! выговорилъ князь.— Не бѣда! Мы девятого сейчасъ поймаемъ. Пойдемте!

Но едва только успѣлъ князь выговорить это, какъ въ библиотекѣ появился лакей, быстро, нѣсколько безцеремонно протискался сквозь гостей и подошелъ къ самому князю. Онъ что-то шепталъ.

— Что? выговорилъ князь, нагибаясь.

Лакей снова прошепталъ что-то.

— Когда? испуганно вырвалось у князя.

— Не могу знать-съ... Княгиня васъ просяетъ.

— Да вѣрно ли?

— Не могу знать-съ... Княгиня очень тревожится. Приказали васъ сію минутую просить... Приказали сказать вамъ однимъ, прося васъ не сказывать никому.

— Ну, это напрасно! сурово отозвался князь.—Господа! обратился онъ ко всѣмъ. Жена прислала мнѣ сейчасъ сказать, что съ туалета въ ея спальнѣ исчезли ея брилліанты. Быть можетъ, между ряженными и пропажей нѣтъ ничего общаго, но тѣмъ не менѣе, я считаю долгомъ сказать это, такъ какъ женѣ и дочери будетъ далеко не до смѣха, пока брилліанты не отыщутся. Вопервыхъ, это семейныя родовыя вещи, а вовторыхъ, я не настолько богатъ, чтобы сразу терять тысячь пятьдесятъ.

— Этого слѣдовало ожидать! отчаянно выговорилъ Чвартовскій.—Вотъ что такое значить—девятый! Съ нами затесался воръ. Прикажите, князь, запереть домъ повсюду и не выпускать никого изъ дому!..

Общій шумъ голосовъ мѣшалъ слышать и понимать другъ друга. Князь движеніемъ показаль, что надо двигаться въ гостиную. И всѣ гости снова двинулись обратно.